

Э

ту историю я услышал в очереди, которая терпеливо ждала приема у дверей домика на Садовой улице, принадлежащему отставному штаб-лекарю Науму Лаврентиевичу Котошихину. Любезный доктор, содержащий домашнюю лечебницу, помогал чем мог, чаще всего — житейским советом, и не отказывал страждущим, у которых не было больших денег на оплату мудрований врача с дипломом императорских академий. Надо сказать, что человеком Наум Лаврентиевич был приятным, лекарства назначал необременительные для кошелька, отчего и слава о нем широко распространялась по нашему захудалому уезду. А его постоянная присказка «лекарь без касторки, что барсук без норки», ушедшая в люди, стала чрезвычайно известной всей губернии.

Сам я в то утро сидел в очереди к доктору оттого, что Наум Лаврентиевич в память о нашей старой совместной военной службе обещал мне собственноручно изготовить микстуру от кашля, который, случилось, напал на меня промозглой осенней порой.

Из приоткрытой форточки донеслось восьмикратное кукование пожилой кукушки, обитавшей в настенных часах, и сидевшая первой еще не старая Лукерья, жена сапожника, поджав губы в полуулыбке, слегка стесняясь, прошмыгнула к доктору.

— Гляди-ка, вчера, чтобы мужика своего уговорить, урядника вызывала, дабы он его в один момент кулачиной из хмельного в трезвое состояние привел, а сегодня чуть свет к врачу за свинцовую примочкой для своего сапожного короля спешит..., — едва закрылась дверь за Лукерей, выказала свою осведомленность о причинах ее неловкости торговка седками Серафима Тарасовна.

— И-и-и, барынька моя! — ответил на ехидное замечание сидящий с ней рядом старичок. — Жизнь наша так и устроена, что человека по ней, будто на качелях туда-сюда катают — то вверх, то вниз, то назад, то вперед, и при том верное житейское правило действует, что ежели тебя сильно-но вверх подкинуло, то земным притяжением вскорости об пол и хлопнет!

— Это вы про что такое непонятное говорите? — засомневавшись, на всякий случай насупилась Серафима Тарасовна.

— Да я про то, что ежели жизнь наша с качелями схожа, то неразумного человека тож, чтобы в чувства привести, надобно сначала до небушка подбросить, или, скажем, будто гвоздь али подкову до белого каления разогреть, а потом враз — остудить! Да что там наши людские страдания... Животное бессловесное иногда способно до края жизни довести, а потом, глядишь, и от смерти спасти!

— Как же такое может быть?! — не поверила Серафима Тарасовна.

— А вот как! Прошу прощения, позвольте представиться — Ковригин Петр Терентьевич, человек многих специальностей и небедной судьбы. Бросала жизнь меня по всей матушке-России, и за ее пределами тож пришлось побывать. Золотишко мыл на Лене, потом шоферил... И минареты самаркандские посмотрел, и горы кавказские. А под занавес жизни потянуло меня сюда, на родину...

И, представьте себе, в губернской нашей столице в очереди у билетной кассы столкнулся со своим знакомцем, бывшим однополчанином. Я ведь, уж и не упомнишь в каком году, срочную в группе войск проходил, а он там же — в нерусском Фулькенберге прапорщиком служил. Бураболин его фамилия, Антон Касимыч Бураболин.

Солдаты прозвали его Бурбоном, не мы, конечно, — старослужащие, а им прозвище от прошлых призывов передавалось как предание, из уст в уста. Отчего такое имя Бурбону было дано, за давностью лет никто объяснить не мог, но я думаю — исключительно из-за созвучной фамилии, потому как ни внешностью, ни характером Антон Касимыч представителя королевской династии не напоминал. Знаете, небольшого росточка, рыжеватый такой, с обвисшими усами и окающим волжским говорком... По слухам, жена его не захотела ехать за ним из своей деревни в чужеземную сторону, так он один вместе с молодыми лейтенантиками в офицерской гостинице и обитал.

Порядок он любил до несвойственного русскому человеку одурения. Даже в своем армейском складе, которым заведовал, чего удумал: всех, кто к нему за амуницией приходит, в казарменные тапочки переобувать. Конечно, ругались все, сапоги стягивая, но куда деваться: хошь не хошь, а ремни да подруги с уздечками каждому кавалеристу нужны.

Зато в отместку, помнится, однажды над его душевной симпатией к артикулу и ранжиру кто-то из солдат таким же образом подшутил... Может, встречали кое-где в присутственных домах на стенах такие бумажки с перечнем находящегося имущества? Их обычно сразу у входа раньше вешали, чтобы столы, стулья, да казенные чернильницы не умыкну-

ли, а в ходе ревизии сразу можно было бы легко проверку сделать, все ли цело. Такая же точно бумажка была прилеплена и на бураболинском складе. Так вот, накануне проверки какой-то шутник взял да и приписал внизу после всего инвентаря — мышь! Да-да, обычную мышь!

Приходит проверяющий, какой-то ротмистр заезжий, вдобавок, как на грех — такой же педант, как наш Бурбон. Изучает все дотошно, и в конце ревизии спрашивает: «Так, это все мне ясно. А где же мышь?» Бурбон, естественно, в растерянности: какая мышь, откуда мышь, а ревизор строго так ему и говорит, мол, сейчас я должен на обед идти к вашему полковому командиру и из уважения к нему, дабы не испортить аппетит, докладывать о прискорбном происшествии не намерен; но затем явлюсь к вам еще раз, и ежели субъект строгого инвентарного учета мне продемонстрирован не будет, то я буду вынужден сообщить об обнаруженных мною непорядках столичному начальству для последующего примерного наказания. Вот так!

Как Бурбон переполошился! А поскольку на его складе мышей отродясь не водилось, он не хуже котошихинского Васьки стал по казармам да конюшням носиться, во все норки заглядывать, расставленные мышеловки проверять. И, представляете себе, нашел! Нашел! Разыскал где-то мышонка, на хвост ему бирочку прицепил и торжественно ротмистру предъявил. Правда, место выбрал неудачное. Ведь он его у себя на складе дожидаться не стал, а напрямик к дому полкового командира побегал, чтобы радостью своей поделиться. Что там было! Дамы со страху визжат, полковник кричит, а Бураболин мыша своего в нос всем тычет...

Но, слава Богу, закончилось все хорошо: ротмистр акт благожелательный тут же подписал, полковой командир от этого обрадовался, а дамы десертами, да винами сладкими утешились.

— А с мышом что же стало? — влезла-таки в разговор Серафима Тарасовна.

— Сбежал, сбежал мышонок под шумок. Пока все радовались, бирку отгрыз — и утек! Кому охота с биркой на хвосте существовать? Никому — ни мышу, ни человеку... Так я про Бурбона дальше дорасскажу...

Не то, чтобы мы большими друзьями тогда были, все же разница в возрасте и должности большая, но чай вместе в каптерке порою гоняли, и про Россию далекую разговоры длинные вели...

И вот когда спустя столько годков такая неожиданная встреча случилась, мы обрадовались и вместе пошли в буфет вокзальный — поговорить, службу вспомнить, да заодно по случаю жаркой погоды пива выпить.

Рассказал мне Бурбон, то есть Антон Касимыч, что, как войска стали с немецких графств выводить, его из армии с отставкой быстрехонько и проводили, благо, что пенсия к тому времени он уже давным-давно заимел. Вернулся в родные края, устроился на непыльную работу — склад сторожить. Дело ему хорошо известное, да и, как отставного солдата, его еще с охотой взяли, а скорее всего — потому что желательщиков на такие деньги более не нашлось. А ему-то что — под ту квартиру, которую ему в саксонской земле расписали, еще и котлован рыть не начинали. Потому сторожка стала для него домом родным. Про семью свою он рассказывать не стал, а я и не спрашивал про то, что и без того понятно, потому как не станет человек, хоть и прапорщик отставной, по чужим углам просто так мыкаться.

Сторожил Антон Касимыч, по его словам, что-то такое важное, о чем мне даже на ухо сказать не решился. Говорит: сболтнешь, мол, по пьяно-

му делу, а потом придется ножными литаврами своим песням унылым так отбивать, когда по Владимирке погонят...

Но, видать, и в самом деле объект был величайшей секретности, потому как выдали ему для охраны желтую затертую кобуру, револьвер системы наган и семь патронов к нему — под счет.

Служба у него была простая: вечером, когда все разойдутся, ворота накрепко на засов запереть, и среди ночи вдоль забора туда-сюда пройтись — от лихих людей проверку сделать. Начальство Бураболина хвалило: у других, что ни день, то происшествие какое, а к нашему отставному прапорщику приедешь хоть за полночь — он бодрый, из своей сторожки выскочит, кобура на боку, издалека строевым шагом по привычке подходит, рапортует, что никаких происшествий не случилось. Это он, конечно, мне не говорил, но я, вспоминая прежнего Антона Касимыча, думаю, что так оно и было.

А откуда им взяться, нападениям и преступлениям: ворота-то весом в три центнера, на колесиках, их просто так с места не сдвинешь. Забор высокий, снизу в землю вкопанный! Ни один таракан без разрешения не пробежит!

По ночам у Бураболина тоже было занятие: рисовал он схему пожарной эвакуации, которая у него по окончании работы выглядела как план военной кампании: тут тебе и красные стрелы, и синие, и прямые, и косые, и прерывистые — на любой вкус! Штурм Берлина с меньшей тщательностью планировался, чем возможное пожарное бегство со склада. А самое главное — схема каждое утро со свежей датой, ни один инспектор не придерется и не скажет, что она стогодовалая.

Так Антона Касимыч и служил, не тужил...

Но вот только однажды он среди ночи на проверку вышел — а у забора собака сидит. Дворняга, псина безродная... Кобель, одним словом. Откуда он взялся на объекте наистрожайшего секретного режима, пес его знает, простите за каламбур! Пока Антон Касимыч камень или палку искал, псина — нырк — и под забор! Оказывается, там подкоп был, небольшой, как раз только собака туда и пролезет. Да что там, небось, тот пес пролаз и подкопал!

Бурбон, тыфу ты, Антон Касимыч, пока никто не увидел — сразу к пожарному щиту за лопатой. Быстренько дыру под забором землю забросал, да утоптал хорошенечко. Потом зашел в свою сторожку и опечалился, потому как обещали ему на день армии как заслуженному безупречному ветерану гвардейских войск и артиллерии грамотку почетную вручить, и еще хрустящая бумажка к ней тоже полагалась. Он уже для грамотки и рамочку приготовил: старый ящик разломал, досточки ножовкой обрезал, ошкурил наждачком и гвоздиками сколотил. Любо-дорого получилось, не хуже покупной!

А тут такое безобразие! Покумекал Антон Касимыч и решил начальству про ночную историю не сообщать. Да и что докладывать: это же не грабитель, не разбойник какой! Зачем отвлекать старших по умственной должности из-за такой ерунды, а то они могут обидеться и насчет грамотки и всего, что к ней прилагается, передумать.

Но следующей ночью опять произошел конфуз: вышел Антон Касимыч на обход: что же это такое делается! — опять этот пес сидит, словно издевается! Более того скажу, и в следующий раз тож самое повторилось. Да что там! Повалился пес под забор каждую ночь лазить! Самое главное — сидит и смотрит, пока его обратно не прогонишь.

Рассстроился Антон Касимыч, а делать нечего, надо по команде доносить. Идет к начальнику — сообщает о происшествии, а потом просит: выдай, говорит, мне один лишний патрон для моего нагана! Мне надобно нарушителя жизни лишить! Какого-такого, спрашивает начальник, нарушителя? Пса? Да ты в своем уме? Мы же тебе грамоту уже на подпись отдали! Возвращайся к себе на склад, и будем считать, что ты мне ничего не говорил...

Проходит три дня, и снова Антон Касимыч у начальника — лишний патрон требует, до того довел его проклятуший пес. Начальник его наступленное состояние видит и уже про грамотку речь не ведет.

— Как я тебе, — говорит, — лишний патрон дам, ежели мне надо для этого за год письменное прошение главному полицмейстеру губернскому подать. Это не стрельбище твое германское, где хоть очередями из всех ружей пали, все равно никто не сосчитает! Тут на каждый патрон надобно комиссию созывать и акт с подписями составлять.

Второй раз ушел Антон Касимыч опечаленным. Но когда он в третий раз из-за пса проклятущего у начальника появился, тот плюнул, написал бумагу затейливую о том, что вроде бы нагану проверка требуется, и пошел с этим прошением к главному губернскому полицмейстеру.

Тот в присутственном месте всегда просителей в парадном мундире принимал — для пущей представительности. А как ту бумагу прочитал — чуть не выскочил из мундира своего, золотом шитого. Запыхтел, что твой самовар, чуть ли не до чугунного каления дошел: мол, один патрон стоит столько же, сколько копченый окорок на рынке, а я для того на это место и посажен, чтобы государственное имущество стеречь, и потому денежки казенные пущать на ветер не позволю. Вдобавок, на этот год все боеприпасы распределены, а что на следующий год будет — никому не известно, быть может, Академия императорских наук такое оружие хитрое придумает, которому и названия еще нет, и тогда патроны вовсе и не нужны будут.

Долго улещивал-умаживал начальник полицмейстера, пока тот, наконец, не стал поддаваться:

— Разве что мой личный заряд отдать, который я хотел на именинах супруги использовать, чтобы в ее честь вверх пальнуть и таким образом воздушный салют устроить?

Так он и сделал, но настрого предупредил, что патрон тот надобно в дело прилюдно употребить, при всей честной комиссии, дабы ни у кого сомнений не было, что заряд не пошел на какие-то преступные ухищрения, или не был передан врагам Отечества для злоумышления вредительского.

В общем, вечером собрались в сторожке у Антона Касимыча начальник его, главная бухгалтерша и он сам — третий в этой комиссии. Ждали-ждали, а пес этот, как назло, в эту ночь не явился! Будто чувствовал смертушку свою и решил отложить ее на потом. Начальник разозлился, говорит: меня и так жена подозревает, а ежели узнает, что я с бухгалтершей у тебя в сторожке полночи присидел, мне и вовсе несдобровать!

Антон Касимыч взмолился, чтобы они в другой раз снова к нему пришли. Начальник ему отвечает: так и быть, мол, из уважения к твоему возрасту и гвардейским заслугам на следующую ночь приду, но ежели твой пес опять пред нами не явится, то я уж и не знаю, что с тобой делать, потому как я у полицмейстера губернского два часа для тебя патрон выпрашивал, а ежели ему его обратно придется возвращать — он такой поступок вовсе за издевательство воспримет!

Думал-думал Антон Касимыч, как пса к себе приманить, и придумал Побезжал на мясной комбинат, благо, он недалеко был, и выпросил у тамошнего сторожа кулек требухи, аккуратно завязал его в прозрачный мешочек и спрятал под лавку.

Наступает вечер, опять для комиссии начальник с бухгалтершей явились, веселые, довольные, видать, у жены основания для подозрений имелись. И тут Антон Касимыч решил своей выдумкой похвалиться — достал из-под лавки требуху, да так неудачно — порвал об гвоздь мешочек прозрачный! А от него такой дух пошел невыносимый, что начальник с бухгалтершей, носы зажав, из сторожки бегом и за ворота, чтобы, значит, подальше от запаха.

Антон Касимыч расстроенный выскочил за ними, чтобы неловкость свою разъяснить, а тут, как назло, этот пес навстречу — вот он, как живой. Вытаскивает наш Бураболин револьвер и палит в этого пса поскорее, пока комиссия далеко не убежала... Да от волнения промазал, только пуля от заборной доски щепу ковырнула! А пес как обычно — в дыру под забором шмыг!

Увидал все это начальник и издалека Антону Касимычу кричит, нос зажав: завтра, мол, ко мне приходи, только сразу с заявлением об увольнении! Прокричал, и как тот пес за ворота — нырк, только его и видели!

И так расстроился от всего этого Антон Касимыч, что сказать нельзя! Даже слезы из глаз полились... Представилась ему вся жизнь его никчемш-няя, мелькнули как один день лучшие годы, вдали от России проведенные, нынешнее прозябание без семьи, без кола и двора, да будущее безысходное... И так ему ото всего этого на сердце муторно стало, что он завыл, да не псом — серым волком лесным. И от той тоски великой приставил к сердцу служебный наган и решил одним махом со своею судьбою несчастной счеты свести. Закрыв глаза, на крючок давит, вот уже барабан повернулся, ударник сейчас по капсулю вдарит...

И чувствует Антон Касимыч, как в этот момент кто-то ему в рукав вцепился и руку со смертью пороховой оттаскивает. Открывает он глаза, а это снова пес тот самый, что ты будешь делать! И самое главное, смотрит так решительно, будто требует чего-то.

Бураболин прогонять его, а пес не убегает, еще крепче в рукав вгрызся, чуть ли не рычит! Потихоньку успокоился Антон Касимыч, наган в кобуру спрятал, а следом и песик притих, рукав его выпустил. Тут и требуха пригодилась, правда, похоже было, что пес ее больше из деликатности попробовал, потому как, на самом деле, дух от нее очень сильный шел...

Рассказал мне это Бураболин, когда кружку свою уже почти до конца допил, на донышке только оставалось.

— И что же, — я у него спрашиваю, — как дальше твои события жизненные развивались.

— Да очень просто, — отвечает он. — Патрон тот мы потом всей комиссией списали, а бумагу полицмейстеру неспешной почтой отправили. Из сторожей я по своей воле ушел, хоть начальник потом успокоился, видать, бухгалтерша утешила, и упрашивал остаться. Но зато рекомендательное письмо к станционному смотрителю выписал. А тот меня в общежитие путевское пристроил, работа хорошая — трое суток работаешь, одни отдыхаешь; и мысли дурные в голову больше не лезут, да и пиво на вокзальный буфет всегда свежее завозят. Псу моему тоже, по случаю, будка пустующая досталась... Да вот, кстати, и он!

Бураболин свистнул, и из темного угла к нему подбежал рыжий пес — с умными и печальными глазами, точно такой же, каковым был бы прапорщик, будь он собакой.

— Бурбон... Бурбонушка... — ласково потрепал Антон Касимыч его по морде и, заметив мой удивленный взгляд, усмехнулся: — Что, думал, я не знаю, какое прозвище вы мне дали? А по мне оно вроде как даже ничего, на Алэн Делона похоже...

Мы допили пиво, обнялись на прощание, и я долго смотрел им вслед — двум Бурбонам, уходящим вдаль по первому перрону...

Петр Терентьевич закончил свой рассказ и начал сворачивать самокрутку, достав старый кисет с сохранившейся кое-где вышивкой. Я оглядел присутствующих — старики думали о чем-то своем, подперев кулаками плохо выбритые щеки или уставившись куда-то вдаль. В уголках глаз Серафимы Тарасовны блестели слезинки.

Как раз в этот момент открылась дверь и все так же, будто чего-то стесняясь, вышла жена сапожника.

— Зашла бы ты, голубушка Лукерьюшка, ко мне вечером, я тебе хорошей селедочки отберу для детишек — голландской, пряного посолу, — проговорила Серафима Тарасовна.

— Зайду, зайду обязательно, матушка моя! — улыбнувшись впервые за долгое время, ответила Лукерья, и от этого на душе у меня стало легко.

Такая же легкость бывает, когда после дальних походов возвращаешься в родные края и, усталый, наконец, видишь вдалеке за краешком синего леса маленький купол старой сельской церквушки. И тогда откуда-то берутся силы, чтобы идти, несмотря на стертые в кровь ноги, хочется дышать полной грудью, обнять всех людей как родных и жить на отчей земле долго-долго.

